

На следующий день, когда вся семья Сюн пришла к ним в дом, Тан Шоу уже успел заранее приготовить печенье хэ тао су. Чжан-апо и младшая дочь ничего не сказали, а вот у старшей невестки на сердце зачесалось: было неприятно. Она подумала, что Тан Шоу нарочно не подпускает их к этому рецепту — ведь каждый раз, как они приходят, хэ тао су уже готово, и процесса приготовления им не показывают.

Но сейчас ещё нужно было учиться четырём основным видам пирогов, и высказывать недовольство она не посмела.

Тан Шоу терпеливо повторил весь процесс, а потом повернулся к Чжан-апо и сказал:

— Мама, сегодня пусть попробует себя старшая невестка. Она вчера ко мне подходила, сказала, что уверена — справится. Давайте дадим ей шанс.

Чжан-апо грустно опустила глаза:

— Хорошо... пусть попробует. — её голос был приглушён и уныл. Она всё ещё тяжело переживала, что из-за её неудач перевели внимание на других. Работы-то она не боялась, но чем больше портила, тем больше грузила себя мыслями, что тратит добро зря. До того дошло, что при одном упоминании о сладостях у неё начинали дрожать руки.

А вот старшая невестка деловая, рукастая, да к тому же быстрая и аккуратная. Делала всё чётко, размеренно, почти без нужды в подсказках. Когда первая паровая корзина с готовыми пирогами была открыта и все попробовали — вкус, хоть и не дотягивал до Тан Шоу, но уже уловимо напоминал его почерк.

Тан Шоу одобрительно кивнул:

— Старшая невестка, ещё пару раз сделаешь — и по вкусу ничем не хуже моих будет.

— Правда?! — глаза у старшей невестки Сюн тут же засветились от радости. Это же не просто ремесло, а целое дело на всю жизнь! Освоить такую технику — значит обеспечить будущее себе и своей семье, а потом можно будет передать и невестке, как в её родной семье Чжао передавали мастерство ткачества: от матери к дочери, из поколения в поколение.

— Правда, — с улыбкой подтвердил Тан Шоу.

В этот момент как раз в дом вошёл Сюн Чжуаншань. Тан Шоу, не задумываясь, протянул ему кусочек османтусового пирога. Тот взял и, как обычно, сунул целиком в рот. Пожевал немного, нахмурил брови, чуть поднял их и сказал:

— Это не ты делал.

— Нет, — с улыбкой ответил Тан Шоу. — Это старшая невестка приготовила, её первая проба. Как тебе вкус? Неплохой ведь?

Но Сюн Чжуаншань, не сдерживаясь, хладнокровно отрезал:

— Так себе. До твоих далеко.

С этими словами он, не оборачиваясь, ушёл — пирог, который он обычно ел за обе щеки, даже не удостоился второго взгляда.

Любой другой на месте старшей невестки наверняка замер бы в неловкости, пожалел бы, что вообще сунулся к плите. Но Тан Шоу, как истинный прямолинейный «стальной»* парень, нисколько не смутился и с полной серьёзностью кивнул:

— Верно. До моих действительно не дотягивает. Нужно ещё потренироваться.

(ПП: прямой - гетеросексуальный)

Старшая невестка осталась стоять с выражением «ветер унес все мои мечты» на лице: «...»

Разумеется, Тан Шоу не собирался кормить всю большую семью Сюн — сколько бы они ни были родственниками. За эти дни уже и так перевёл немало продуктов на испорченные партии, и это было ощутимо. Потому семья Сюн приходила только утром — учились, делали по одной партии и к обеду расходились. А дальше Тан Шоу спокойно возвращался к своим делам, готовил еду — и они с Сюн Чжуаншанем снова погружались в своё уютное, тихое времяпрепровождение.

Сюн Чжуаншань, уловив аромат, наполнивший весь дом, с интересом спросил:

— Что ты приготовил на обед?

— Жареная свинина Лю-жоу-дуан, свинина в кляре Гуобаожоу, фрикадельки «львиная голова» и немного баранины.

Первые блюда Сюн Чжуаншань прежде не пробовал — названия показались ему диковинными. Баранину он и сам раньше готовил, ничего особенного. Но когда Тан Шоу подал всё на стол, он на миг застыл — это было бараниной? Почему она сухая?

На самом деле, Тан Шоу готовил жареную баранину с тмином, но поскольку в здешних краях

тмина не было, он заменил его на смесь из имбирного сока, чтобы убрать запах, и использовал кизил вместо перца-чили. Вышло хоть и не как в его прошлой жизни, но вкусно и ароматно.

Сюн Чжуаншань попробовал первым и, удивившись, воскликнул:

— Фулан, у мяса совсем нет этого запаха барана!

— Конечно, — усмехнулся Тан Шоу, садясь к столу. — У меня свой секрет приготовления баранины.

Сюн Чжуаншань похвалил от всей души:

— Твоя кухня и придворному повару фору даст.

Тан Шоу заулыбался, горделиво расправив плечи. На время он даже забыл, как обычно ругался на Сюн Чжуаншаня за его аппетит, сравнимый с ведром без дна. Четыре блюда и целый таз риса — всё подчистую они съели вдвоём. Точнее, Сюн Чжуаншань съел. Даже соус с тарелок в рис вымакивал и до последней капли доедал — тарелки после него выглядели так, будто их уже вымыли.

После еды Сюн Чжуаншань без лишних слов взялся мыть посуду и подмёл пол, а потом принёс в комнату свёрнутый тёплый шерстяной коврик — самодельную подкладку из козьей шерсти.

— Фулан, постели это на кровать. Я всё сам вычистил, она чистая, на ней можно спать прямо так — мягко и тепло.

Тан Шоу принял шерстяную подстилку, и сердце у него вдруг защемило от нежности. Он и сам не понял, что за волна нахлынула — в горле сдавило, в носу защекоталось. Руки и ноги у него явно мерзли от холода, но на сердце в этот момент стало по-настоящему тепло.

Всё из-за одной небрежной фразы, брошенной мимоходом — Сюн Чжуаншань, рискуя жизнью, пошёл в лес и добыл диких коз.

— Давай, постели — попробуем! — радостно предложил он.

Тан Шоу аккуратно и бережно разложил подстилку из шкур на кровати. На самом деле, одна только шкура и не могла быть такой уж мягкой, но для Тан Шоу она была в сто раз дороже и приятнее любого войлочного матраса.

— Очень мягко. И тёплая — прямо тепло в ноги идёт, — сказал он.

Сюн Чжуаншань светился от радости, как ребёнок:

— Теперь ты будешь дома всегда сидеть на этом. Тепло будет. А я сейчас ещё достану безрукавку из волчьей шерсти — наденешь. Смотрю, ты в последние дни в доме совсем мёрзнешь, особенно когда все, кто за товаром приходят, уходят — ноги у тебя прямо ледяные.

Он знал, что у Тан Шоу часто мёрзнут ноги, потому что сам их грел — то руками, то тёплым животом.

Ту самую безрукавку из волчьего меха Сюн Чжуаншань всегда берёт. Надевал лишь в самые лютые холода, боялся испачкать или порвать. Но как только речь зашла о Тан Шоу — ни капли жалости: пусть хоть дома, хоть на улице носит, хоть при готовке наденет — лишь бы не мёрз.

От такой искренности у Тан Шоу на сердце защемило. Он всегда считал себя прямым, как рельса, суровым мужчиной, который не знает, как отвечать на подобные чувства. Но в ту минуту он твёрдо решил: раз уж не может ответить любовью, то уж точно даст Сюн Чжуаншаню достойную жизнь, поднимет их дом, сделает его богатым. А уж потом, если судьба разлучит, у того будут и слава, и деньги, и хватит на то, чтобы выбрать самого подходящего супруга.

Когда деревенские приходили за товаром и видели на Тан Шоу безрукавку из волчьего меха — каждый в душе испытывал зависть. Но при виде Сюн Чжуаншаня никто даже не смел вымолвить вслух и слова — ни вздоха, ни взгляда, ни намёка.

А вот стоило выйти за ворота, тут же начинались разговоры:

— Кто бы мог подумать! Сюн Чжуаншань на вид будто сам демон, а как фулана своего любит! Волчью безрукавку — и ту отдал, чтоб тот в ней по дому возился, готовил. Даже не боится, что испортит!

— Ещё бы! — подхватил другой. — А я-то думал, с его диким нравом, он точно будет фулана бить. Кто знал, что он так своего супруга жалеть будет... Эх, знал бы — тогда бы...

Он не успел договорить — сам понял, что ляпнул лишнего, и тут же замолк, но было поздно. Остальные уже поняли, что он хотел сказать, и дружно расхохотались.

— Ой-ой, Ван Лао-ву, ну ты даёшь! — подзадорил кто-то. — Да ты ведь сам тогда не прочь был, помнится! Только Сюн Чжуаншань вернулся — тут же дом купил, землю — и свиней, и овец завёл. Ты ведь тогда и сам подумывал свою дочку за него сосватать. Помню, даже сваху в дом притащил. Да только он твою дочку отверг, вот ты и угомонился.

У Ван Лао-ву щеки сразу залились краской:

— Что вы несёте! Это не он отказался, просто ему только шуаньэры нравятся! И вообще, не я один хотел! Полдеревни носилось с этой мыслью. Стоило узнать, что он при деньгах и с семьёй почти не водится — все сразу давай к нему своих засылать. Мол, заживут вольготно, без свекрови и кучи родни на шее. Если бы он не взбесился и не вышвырнул ту сваху, да люди бы ему порог с землей сравняли!

Народ замолк, но по лицам видно — всё так и было. Когда Сюн Чжуаншань только вернулся из армии, он стал для деревни настоящим лакомым куском. Все знали: с родными он почти не общается, денег куча, на шее никого. Для многих это значило: свадьба без бед, без свекровкиных слёз и вечных ссор с золовками. Жили бы вдвоём, по своему разумению, да ещё и при достатке. В тот момент Сюн Чжуаншань стал главным женихом на деревне.

Просто тогда его ещё плохо знали. Уходил-то он мальчишкой четырнадцати лет — обычным деревенским подростком. Все думали: ну грозный с виду, но в душе, может, добрый. А потом... потом он разозлился на свях и просто вышвырнул одну из них, взяв за шиворот. После того никто и близко подойти не решался.

Позже снова нашёлся смельчак, решивший испытать терпение Сюн Чжуаншаня. Итог был предсказуем — тот едва не избил его до полусмерти. Когда вся его семья попыталась заступиться, никого это не спасло — Сюн Чжуаншань не пожалел ни одного, все полетели в пыль. Женщины из той семьи, полагая, что их не посмеют тронуть из-за их пола, встали вперед, уверенные в своей неприкосновенности. Но Сюн Чжуаншань не различал, кого бить — мужчину или женщину. Стоило разозлить его — и неважно, кто перед ним.

Дело дошло до того, что вмешался староста. Видя, как тяжело пострадала семья, он велел Сюн Чжуаншаню заплатить компенсацию. Это окончательно вывело того из себя. В ярости он буквально взбесился — бросался на дом старосты, грозил разнести всё и всех, с бешеным лицом кричал, что готов перебить их целиком. В его голосе не было ни намёка на шутку — он действительно был страшен. После этого пострадавшая семья сразу отказалась от любых претензий, а при встрече с Сюн Чжуаншанем обходила его за три ли. Староста тоже больше не пытался вмешиваться в его дела, опасаясь собственной безопасности.

А потом Сюн Чжуаншань ещё не раз возвращался из гор с волками и тиграми, волоча их туши прямо в деревню. После этого бояться его стали ещё больше. Никто уже не смел даже подумать о том, чтобы выдать за него свою дочь или шуаньэра. Все понимали: с таким характером одна неосторожная фраза — и конец.

Ван Лао-ву с досадой думал: знал бы раньше, что Сюн Чжуаншаню нравятся шуаньэры, в тот раз сосватал бы не дочь, а своего младшего сына. Тот был хорош собой, нежный, тихий, с тонкими чертами. По сравнению с этим, отдать его за Сюн Чжуаншаня было бы куда разумнее, чем отдать в дом Ло.

Семья Ло, считая себя особенными благодаря своему бизнесу с тофу, смотрели на остальных свысока. Жили зажиточно и часто презирали деревенских. Их семья всегда считала, что никто из односельчан им не пара. Неудивительно, что его сын в доме Ло терпел много унижений.

Ван Лао-ву раньше и сам считал, что это удачная партия — мол, сыну повезло «взлететь выше». Но теперь, сравнивая холодное высокомерие семьи Ло с заботой и теплом, которыми Сюн Чжуаншань окружает Тан Шоу, а также глядя, как семья Сюн развивает собственное дело, на котором держится полдеревни, он только и мог, что кусать локти.

Он уже ясно видел: совсем скоро семья Сюн обгонит Ло и станет самой состоятельной в деревне. И тогда жалел он только об одном — что когда-то не выбрал по-другому.

Он напрочь забывал, что это не Сюн Чжуаншань, а Тан Шоу принёс в дом эту жизнь, эту удачу, это ремесло. Забывал, что без него и бизнеса бы не было. Забыл даже, что его сын, возможно, вовсе не пришёлся бы Сюн Чжуаншаню по душе. Всё, что оставалось в голове — горечь и сожаление. Это было нелепо и жалко.

Деревенские, завидев на Тан Шоу безрукавку из волчьей шерсти, позеленевшими от зависти глазами смотрели ему вслед. Зависть точила каждого — не хуже ножа. Даже старая Чжан-апо, его свекровь, не могла не ощущать укола недовольства. В любой другой семье лучшее в доме всегда сначала шло старшим: одежда, еда, тепло. А тут — у неё даже кусочка звериной шкуры на плечах нет, а у сына супруг щеголяет в волчьем меху. Неудивительно, что в деревне уже зашептались — обсуждают, перешёптываются.

Глядя на всё это, у неё начинали блестеть глаза. В её понимании вся причина была в том, что Сюн Чжуаншань давно остыл к семье. Если бы он по-прежнему считал её родной матерью — разве мог бы так поступить? В груди поднималось тяжёлое, глухое чувство — обида, смешанная с сожалением.

Тан Шоу, заметив перемену в её настроении, сразу понял в чём дело. Он прекрасно видел, в чём причина: на нём меховая безрукавка, в то время как свекровь кутается в латаное, старое, продуваемое насквозь пальто. Мех греет его вдвое лучше, и это — в доме её родного сына.

Но и уступать он не собирался. За эти недели он понял: между Сюн Чжуаншанем и его родными произошёл серьёзный разлад. Что-то в прошлом глубоко ранило Сюн Чжуаншаня — настолько, что он хоть и не оборвал все связи с семьёй, но и души в них более не чаял. Не будь их брака, вряд ли бы их жизни пересеклись вновь. Тан Шоу просто сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжил спокойно обучать женщин приготовлению сладостей.

Но Сюн Чжуаншань молчать не стал. Зайдя в дом и увидев эту напряжённую, тягучую атмосферу, он усмехнулся, губы дёрнулись в холодной, насмешливой ухмылке.

— Хватит. Вы уже больше десяти дней учитесь у нас, — сказал он резко. — С завтрашнего дня можете готовить у себя дома и там же торговать. Сюда больше приходите не нужно.

— А... Хорошо, — неуверенно пробормотала старшая невестка, но в глубине души даже обрадовалась. Она и сама поняла: мать окончательно вывела Сюн Чжуаншаня из себя своей обидой, и если остаться ещё на день — он вполне мог сорваться.

Три женщины молча покинули дом. Тан Шоу даже не пытался их удерживать. Меховая безрукавка — не просто вещь. Это то, что Сюн Чжуаншань добыл, рискуя жизнью, и подарил ему. Он её принял, значит, теперь это его вещь. Как бы ни звали себя свекрови и отцы — право на эту одежду они не получают только потому, что «старшие». Кто сказал, что всё, чем рисковал Сюн Чжуаншань, должно обязательно отойти семье, от которой он сам уже внутренне отвернулся?

Вернувшись домой, Чжан-апо расплакалась навзрыд. Но толку в слезах было мало — она и сама не осмеливалась теперь смотреть сыну в глаза.

Глава семьи подошёл и спокойно сказал:

— Ты лучше радуйся. Без А-Шаня мы бы и не узнали, как делать такие пироги. А ведь это не работа на день-два. Это дело на долгие годы, а если всё пойдёт хорошо — то и на поколения вперёд. Главное — мастерство, а оно только крепнет со временем.

Чжан-апо вытерла глаза, но всё равно хрипло проговорила:

— Я и сама это понимаю... Но в сердце — будто заноза. Всё думаю: если бы тогда не случилось то самое, может, А-Шань и не стал бы таким чужим.

* Свинина Лю-жоу-дуан 肉 肉 肉

Свинина в кляре гобаожаоу 肉 肉 肉

Тефтели Львиная голова 肉 肉 肉

<http://bllate.org/book/13592/1205343>